

Подлинный Достоевский

Каждое произведение существует на том языке, на котором оно написано. Это справедливо не только, скажем, для Шекспира или Сервантеса, Гете или Шиллера, которые творили на английском, испанском или немецком языках, но и в рамках русской культуры — как для древнерусской литературы, так и для Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова и многих других, кто не только писал на русском языке, отличном от современного, но и наделял утраченные в современной орфографии особенности русского языка поэтическими значениями.

Прав был выдающийся русский философ XX века И. Ильин, когда писал: «Правописание имеет свои *исторические, конкретные* и в то же время *философские и национальные* основы. Поэтому оно не подлежит произвольному слову, но лишь *осторожному, обоснованному преобразованию*, совершенствованию, а не разрушению»¹. Но именно слову и разрушению подвергся русский язык в XX веке: произошла *катастрофа*, масштабы которой мы пока плохо сознаем.

До 1917 года русская орфография хранила православный дух русского языка. Да, собственно, русский литературный язык и был православным. Таков его исторический облик.

Крещение явило Руси письменность — церковнославянский язык. На его основе образовался древнерусский язык, со временем ставший русским литературным языком. О чем после «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке» М. Ломоносова писали многие выдающиеся лингвисты: И. Бодуэн де Куртенэ, С. Булич, Л. Булаховский, Н. Дурново, В. Истрин, Е. Карский, Б. Ляпунов, А. Соболевский, Л. Щерба, Б. Унбегаун и другие.

Замечательно сказал об этом осенью 1918 года поэт Вяч. Иванов в сборнике статей о русской революции «Из глубины»:

¹ Ильин И. А. Как же это случилось? (Заключительное слово о русском национальном правописании) // Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. II. С. 150.

«Язык, по Гумбольдту, дар, доставшийся народу, как жребий, как некое предназначение его грядущего духовного бытия.

Велик и прекрасен дар, уготованный Провидением народу нашему в его языке. Достойны удивления богатство этого языка, его гибкость, величавость, благозвучие, его звуковая и ритмическая пластика, его прямая, многовместительная, меткая, мощная краткость и художественная выразительность, его свобода в сочетании и расположении слов, его многострунность в ладе и строе речи, отражающей неуловимые оттенки душевности. Не менее, чем формы целостного организма, достойны удивления ткани, его образующие, — присущие самому словесному составу свойства и особенности, каковы: стройность и выпуклость морфологического сложения, прозрачность первозданных корней, обилие и тонкость суффиксов и приставок, древнее роскошество флексий, различные виды глагола, неведомая другим живым языкам энергия глагольного аориста.

Но всего этого мало! Язык, стяжавший столь благодатный удел при самом рождении, был вторично облагодатствован в своем младенчестве таинственным крещением в животворящих струях языка церковно-славянского. Они частично претворили его плоть и духовно преобразили его душу, его «внутреннюю форму». И вот, он уже не просто дар Божий нам, но как бы дар Божий сугубо и вдвойне, — преисполненный и приумноженный. Церковно славянская речь стала под перстами боговдохновенных ваятелей души славянской, свв. Кирилла и Мефодия, живым слепком «божественной эллинской речи», образ и подобие которой вписали в свое изваяние приснопамятные Просветители.

Воистину теургическим представляется их непостижимое дело...»²

О том же столь определенно в своем студенческом докладе о преимуществе старой орфографии перед новой писал Д. Лихачев: «В старину весь цѣликомъ укладъ русской жизни былъ проникнутъ православіемъ: странно, если бы русская графика и русская орѳографія — основы этого православного уклада — не соответствовали бы имъ вполне»³.

За свой венный доклад Д. Лихачев был осужден и отправлен в концлагерь на Соловки и лишь случайно уцелел в годы сталинских чисток. И было за что — тогда, в 1928 году, юный Д. Лихачев свидетельствовал: «Новая орѳографія явилась дѣломъ антихристовой

² Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 675–676.

³ Лихачев Д. С. Статьи ранних лет. Тверь, 1993. С. 8.

власти», «всегда была мысленно бѣсовщины (60-е годы XIX в.)», «потянула на самое приклонное въ алфавитѣ» и т. д.⁴

Новое правописание И. Ильин назвал «кривописанием»: оно «не соблюдает ни фонему, ни морфему, ни семсму», «устраняет целые буквы, искажает этим смысл и запутывает читателей; оно устраняет и местоимения и прилагательных (множественного числа) различия между мужским и женским родом и затрудняет этим верное понимание текста; оно обесмысливает сравнительную степень у прилагательных и тем вызывает сущие недоумения и т. д. и т. д.»⁵ Он обращал внимание на то, что А. Шахматов, один из тех, кого принудили поставить подпись под документом Академии Наук о реформе орфографии, «дал им свою подпись, а потом при большевиках продолжал печатать свое сочинение по старому правописанию»⁶.

Вяч. Иванов парек «бесивом» то новое, что появилось в русской речи за время революции: «Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом — неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучащими на границе членораздельной речи, понятными только как переключка сообщников, как разинские «сарынь на кичку»⁷. Из этого послереволюционного, а теперь и постперестроечного состояния *бесива* русский язык не может выйти до сих пор.

В страшные годы фашистского нашествия Анна Ахматова писала в стихотворении «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

И в пору нам вспомнить и исполнить эту клятву великого русского поэта. Но столь же определенно и истинно то, что русский язык и сам себя воскресит, и исцелит Россию, и восстановит и образует русского человека. И на этом пути мы, в свою очередь, должны осознать свою ответственность перед русским языком.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. II. С. 115–116. Ср.: с. 113–125; 144–150.

⁶ Там же. С. 146.

⁷ Иванов В. И. Собр. соч. Т. 4. С. 677.

Советское литературоведение гордилось Полными собраниями сочинений Пушкина, Гоголя, Достоевского. Сегодня они не авторитетны. По обычной практике этих академических собраний сочинений в авторскую орфографию была внесена политическая конъюнктурная правка, которая искажает смысл и дух творчества не только этих, но и всех русских писателей.

Казалось бы, какая разница в том, как читать гениальное пушкинское стихотворение «Я вас любил...»

по-современному:

Как дай нам Бог любимой быть другим;

или по-пушкински:

Как дай нам Бог любимой быть другим.

При декламации нужно очень постараться, чтобы свести *Как дай вам Бог* до фразеологизма, но советская орфография без труда этого достигает умалением заглавной буквы.

В мировой поэзии написано много стихотворений о неразделенной любви. Среди них немало и таких, в которых обиженные поэты обличали своих возлюбленных за их оплошный выбор. У Пушкина пресловутый «любовный треугольник» размыкается обращением к Богу и торжеством христианских отношений в любви — *и происходит чудо преображения эротической любви в любовь христианскую.*

Одна буква — но она меняет смысл всего стихотворения.

А сколько таких извращенных «темных мест» в творениях русских классиков!

Или, казалось бы, почему бы А. Блоку не напечатать свою революционную поэму «Двенадцать» в революционной орфографии? А поэт упрашивал и упрямил А. Луначарского нарушить декрет и разрешить ему в виде исключения напечатать текст в старой орфографии.

Кто из критиков поэмы учитывал этот подспудный идейный антагонизм А. Блока? И так ли неуместен финал поэмы?

В блѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —

Впереди — Иисусъ Христосъ!

18 января 1918 года, в дни работы над поэмой, А. Блок записал по памяти свое выступление, которое было «вчера» на заседании правительственной Комиссии по изданию классиков литературы под председательством "тов. Полянского":

«Я поднимаю вопрос об орфографии. Главное мое возражение — что она относится к технике творчества, в которую государство не должно вмешиваться. Старых писателей, которые пользовались ятями как одним из средств для выражения своего творчества, надо издавать со старой орфографией. Новые, которые будут писать по-новому, перенесут свою творческую

энергию (*élan*) в другие приемы (тороплюсь **записывать**, поэтому нескладно).

Меня поддерживают Л. Рейснер и Альтман. Остальные — за новую орфографию, хотя понимают меня.

С Бенуа мы все наоборот. Он лично ненавидит «Инициативы» и любит моллеровскую орфографию изданий XVII века. Я лично не привязан к старому и, может быть, могу переучиться даже сам, но опасюсь за объективную потерю кое-чего для художника, и следовательно, и для народа»⁸.

Кого беспокоит эти сомнения и забота А. Блока?

У новой орфографии были свои принципиальные и глубокие критики, но реформа исторически свершившийся акт, и наш долг по возможности исправить содеянное, а еще лучше — воскресить язык русской классики — язык Пушкина, Гоголя, Достоевского.

Править Достоевского стали сразу после его смерти. При жизни это было почти невозможно. Когда Достоевский обнаруживал чужое вмешательство в свой текст, происходили объяснения, которые на всю жизнь запомнили корректор В. В. Тимофеева и метранпаж М. А. Александров. В. В. Тимофеева вспоминала, что ее сотрудничество с Достоевским началось с недоразумений «по поводу той или другой корректурной правки». Она ссылалась на грамматику — Достоевский резко возражал: «У каждого автора свой собственный слог, и потому своя грамматика... Мне нет никакого дела до чужих правил! Я ставлю запятую перед *что*, где она мне нужна; а где я чувствую, что не надо перед *что* ставить запятую, там я не хочу, чтобы мне ее ставили!»⁹ А метранпажа М. А. Александрова он предупредил: «Вы имейте в виду, что у меня ни одной лишней запятой нет, все необходимые только; прошу не прибавлять и не убавлять их у меня»¹⁰.

Первая правка пришлась на реформу Я. Грота, который сделал русскую орфографию и пунктуацию грамматической. До этой реформы русская пунктуация была интонационной. Такой она была от Ломоносова до Гоголя и Достоевского, от Державина до Толстого и Лескова. Когда классиков стали править по гимназическим правилам, это обезличило авторский ритм повествования, что неизбежно привело к утрате нюансов авторского смысла.

Для Достоевского пунктуация была интонационной и интуитивной. Его знаки препинания являются знаками авторской интонации, авторского ритма. Читать тексты Достоевского по знакам его пунктуации — все равно что по нотам читать партитуру композитора. У Достоевского

⁸ Блок А. Собр. соч.: В 9 т. М., Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7. С. 319–320.

⁹ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература 1964. Т. 2. С. 128.

¹⁰ Там же. С. 215.

есть произведения, которые просто нельзя читать иначе, — например, «Записки из подполья».

Но наиболее пагубной по последствиям оказалась реформа, начатая в 1917 году Временным правительством и завершенная большевиками, которые внесли в грамматическую реформу политическую цель: уничтожение того, что составляло животворящую основу русского языка, — его православный дух.

Укажу всего на один пример. В современных изданиях поэма «Великий инквизитор» выглядит бесспорной атеистической декларацией. Оригинальный текст Достоевского уже самой орфографией опровергает слова Великого инквизитора. Делается это просто: все местоименные обращения Великого инквизитора к Пленнику в авторской орфографии выделены заглавной буквой: Ты, Тобой, Твои, Твоему, Сам, Тебя, Твое и далее. Великий инквизитор лжет, когда обращается к Христу со своим риторическим вопросом: «Это Ты?» Авторитет Бога и Христа незыблем. Достоевский дал свою оценку словам Великого инквизитора орфографией. Это та авторская оценка текста, которую в своих работах о Достоевском отрицал М. Бахтин¹¹.

Не каждый писатель стремится к использованию художественных возможностей курсива и заглавной буквы. Достоевскому они были необходимы. Они создали авторскую систему понятий в текстах Достоевского, причем с разными художественными значениями. Курсив экспрессивен — он интонирует текст, создает своеобразный эстетический камертон, по которому должен настроить свое восприятие читатель Достоевского. В отличие от курсива, заглавная буква рационалистична: она выявляет иерархические отношения в тексте — создает иерархию понятий. Курсив — «эстетика», заглавная буква — «метафизика» текста.

Заглавная буква — знак не только истории языка, но и знак культуры. Даже если бы Достоевский (и другие писатели) лишь подчинялись орфографическим правилам своего времени, то и в этом случае заглавную букву следовало бы сохранить. Но у Достоевского заглавная буква была не обязательным, а факультативным признаком текста, ее употребление не ограничивалось действовавшими в то время орфографическими и редакционными нормами. Особенно наглядно эта особенность поэтики Достоевского проявилась в поздних романах и в «Дневнике писателя» — издании, которое Достоевский вел сам от рукописи до брошюры.

Игра значениями слов с заглавной или строчной буквы имела у Достоевского художественный смысл. Нередки случаи, когда в одном предложении или в рамках одной главы Достоевский дает и строчное,

¹¹ Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929; Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963; Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 308–327.

и прописное начертание одних и тех же слов, отмечая заглавной буквой, когда слову придется метафизический смысл: с большой буквы писали Бог для означения Высшего Существа, давшего начало и смысл миру. Языческое многобожие и еретическое мудрствование отмечались малой буквой. Упразднение заглавного написания слова Бог вело к потере значений, а эти нюансы смысла принципиально важны в богоискательских бреднях героев Достоевского, где четко разграничивалась сакральная и греховная мудрость.

Из всех графических средств авторской интерпретации текста (курсив, заглавная буква, пунктуация, ударения) в посмертных изданиях сохранился в полном объеме только курсив.

Язык Достоевского несет на себе печать времени. Это особенно очевидно при сопоставлении произведений, существующих в разномре-
менных редакциях — в редакциях сороковых и шестидесятых годов. Некоторые орфографические нормы во времена Достоевского были неустойчивы: в первую очередь, это слитное и раздельное написание слов, употребление дефиса. Орфографическая вариантность сознавалась самим писателем, являясь подчас нарочитой очевидностью, когда в одном предложении или абзаце Достоевский давал или оставлял разные орфограммы.

Язык Достоевского хранит в себе следы борьбы писателя с корректорами и редакторами. Так, Достоевский предпочитал говорить и писать *цаловать*. Нередко эта авторская орфограмма исправлялась на *цловать*. Там, где мог, Достоевский восстанавливал *цаловать*, но не всегда: немало его произведений существуют в одной редакции.

Мы не снимаем этих противоречий.

Прижизненные издания появлялись в разных обстоятельствах: есть произведения, корректуру которых Достоевский вообще не держал, иным не мог посвятить достаточно времени для вычитки. Давно известно, что автор, как правило, не видит многих опечаток наборщика: он читает не то, что набрано, а то, что написано, — во всех прижизненных изданиях много опечаток. Почти все они исправлены нашими предшественниками, но не все. В нашем издании больше исправленных опечаток. Я не хочу сказать ничего плохого о титаническом труде тех, кто готовил предыдущие издания. Мы не обнаружили ни одного неизвестного им типа опечаток и ошибок наборщиков или корректоров. Все они с исчерпывающей полнотой описаны Б. Томашевским¹². Можно лишь гадать, почему этот бесценный текстологический опыт Б. Томашевского не в полной мере учтен при редакционной подготовке последнего Полного собрания сочинений Достоевского в 30-ти томах (Л.: Наука, 1972—1990). Могут предположить, что у на-

¹² Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М.: Искусство, 1959.

ших предшественников не было достаточно эффективной методики подготовки текстов писателя.

Мы работаем со всеми редакциями: набираем все тексты, на основе последней редакции сводим все варианты в общую редакцию, делаем анализ разночтений и устанавливаем канонический текст. Наша методика анализа разночтений со всей наглядностью позволяет выявить типичные опечатки и ошибки. При выборе вариантов орфограмм отдается предпочтение современной норме, если таковая имела место в прижизненных изданиях. Перед нами была сложная и противоречивая задача: с одной стороны, устранить как можно больше искажающих авторскую волю ошибок и опечаток и, с другой стороны, избежать произвольного вторжения в авторский текст.

Прижизненные издания Достоевского обладают различной степенью авторитетности. Самое неавторитетное — «Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание. Издание и собственность Ф. Стелловского» (1865—1866)¹³.

Очевидно, что за полтора года работы над «Преступлением и наказанием» Достоевский просто физически не мог прочитать и отредактировать свыше 200 печатных листов своих произведений. Достаточно напомнить, как долго в 1865—1866 годах Достоевский не мог переделать «Двойника» и сдал его через дежурного офицера Казанской части лишь 1 октября 1866 года, в один из последних сроков кабального договора со Стелловским¹⁴. Позже, через месяц, аналогичным образом был сдан и роман «Игрок».

Издание Стелловского содержит много неисправленных опечаток и ошибок наборщика. К ним следует прибавить и неавторитетные варианты: тексты Достоевского подверглись корректорской правке, которая имела целью привести к единообразию разновременные, за двадцать лет творческого пути, орфографические нормы (1845—1866), подчинить их своим эдичионным требованиям. Так, из издания Стелловского почти совсем исчезли ударения.

И все-таки на титульных листах томов и отдельных произведений, выпущенных Стелловским, стоит: «Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание»; «Новое, дополненное издание», «Новое просмотренное издание». И действительно, для этого собрания сочинений Достоевский готовил, вновь просматривал, сокращал некоторые свои произведения, а к «Запискам из Мертвого Дома» добавил главу, пропущенную в предыдущих публикациях. Свои сомнения мы решали в

¹³ Пиратское издание «Преступления и наказания» в качестве IV-го тома этого Полного собрания сочинений (1870) нами не учитывается, так как Достоевский не имел к нему никакого отношения.

¹⁴ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1865—1874. СПб.: Академический проспект, 1994. Т. 2. С. 77.

пользу последней прижизненной редакции при критическом анализе последней авторской воли.

Все исправленные опечатки и ошибки приведены в текстологических справках к каждому произведению. Варианты прижизненных изданий дают только текстовые разночтения. Более полный список исправленных опечаток и установленных вариантов (включая ударения, знаки препинания, слитное и раздельное написание слов и др.) будет дан в компакт-диске «Весь Достоевский», в котором будут представлены все редакции *всех* произведений Достоевского в том виде, *как они есть*. В состав компакт-диска войдет и Евангелие Достоевского — «Новый Завет», подаренный ему женами декабристов в январе 1850 года. Он до сих пор таит на своих страницах огромное количество *незамеченных* исследователями маргиналий писателя — видимыми они становятся только при изменении угла освещения, при игре дневного и искусственного света. Это бесценный, почти неучтенный источник вдохновения и творчества русского гения.

Наше издание адресовано вдумчивому читателю, для которого важны все нюансы смысла, кто хочет слышать подлинный голос Достоевского. Оно приурочено к 175-летию со дня рождения и к 150-летию со дня литературного дебюта великого русского писателя.

Читайте Достоевского на языкъ Достоевского!

Владимиръ Захаровъ